

себѣ пальцы, но не могла предотвратить удара... Но онъ этимъ не удовольствовался и, сбросивъ меня съ кушетки на полъ, наступилъ мнѣ ногой на лицо. Я смутно помню, что въ эту минуту въ комнату вбѣжала старая няня. Кровь текла ручьемъ изъ моей раны, и я лишилась чувствъ. Когда я пришла въ себя, то лежала на кровати, и въ комнатѣ пахло карболкой. Не успѣла я открыть глаза, какъ къ кровати подошелъ Позднышевъ и молча посмотрѣлъ на меня. При видѣ его вся страшная сцена возстала передо мной, и я тихо промолвила: „ты убилъ меня, и я не отдамъ тебѣ ни одного изъ дѣтей: ихъ возьметъ сестра. Я тебя ненавижу! я тебя ненавижу!..“ Послѣ этого я чувствовала, что совершенно похолодѣла и не могла ни двигаться, ни произнести ни слова, хотя сознавала все, что творилось вокругъ меня. Мой старыи другъ докторъ вскорѣ подошелъ къ кровати и, пощупавъ пульсъ, сказалъ: „она умерла...“ Затѣмъ наступили всѣ страшныя приготовления къ погребенію, и меня положили въ гробъ. Боже мой, что я тогда выстрадала! Меня принимали за мертвую, и я не могла сказать, что я жива. Когда смерклось, моихъ бѣдныхъ дѣтей увели изъ комнаты, и я осталась одна